

Н. В. Буров

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ: ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ПОПЫТОК (судьба собрания Н. П. Румянцева)

Румянцевский музей был одним из первых общедоступных в России и сыграл заметную роль в развитии отечественного музейного дела и библиотечного строительства. Именно с него начинается история Российской государственной библиотеки, а в первом его здании – Румянцевском особняке – в настоящее время располагается один из филиалов Музея истории Санкт-Петербурга.

Румянцевскому музею и его основателю, Николаю Петровичу Румянцеву, посвящено множество работ. Опубликованный еще в 2001 г. биобиблиографический указатель включает более 350 названий¹, однако подавляющее большинство этих работ посвящены московскому периоду истории «Румянцевского Музеума», т.е., фактически, истории Российской государственной библиотеки. Среди современных публикаций, посвященных петербургскому периоду в истории музея, можно отметить две статьи А. В. Бекасовой², в которых анализируются «ученые занятия» графа Н. П. Румянцева и история Румянцевского музея в 1831–1862 гг., и статью И. С. Зверевой³, посвященную пятнадцатилетнему периоду, в течение которого музей являлся филиалом Императорской Публичной Библиотеки в Санкт-Петербурге. В 1913 г. было основано общество «Друзей Румянцевского Музея»⁴. С начала 1990-х гг. активно действовало Румянцевское общество друзей Российской госу-

¹ Николай Петрович Румянцев: Жизнь и деятельность: Биобиблиографический указатель. М., 2001.

² *Бекасова А. В.*: 1) «Ученые занятия» русского аристократа как способ самореализации: (На примере графа Н. П. Румянцева) // Вопросы естествознания и техники. 1995. № 1. С. 24-39; 2) «Храм общественных муз». Петербургский период в истории Румянцевского музея // Философский век. Альманах. СПб., 1998. Вып. 6: Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. К 275-летию Академии наук и 200-летию со дня рождения Николая I. С. 83-99.

³ *Зверева И. М.* Румянцевский музей – филиал Императорской Публичной Библиотеки (1845 – 1861 гг.). По материалам Отдела архивных документов и Отдела рукописей РНБ // Публичная библиотека и культура. Три века истории. Документы, материалы, исследования. СПб., 2006. Вып. 1. С. 101-135.

⁴ О задачах вновь учреждаемого общества «Друзей Румянцевского Музея». М., 1913. С. 16.

дарственной библиотеки, несколько раз проходили Румянцевские чтения, в 1999 г. был организован Международный симпозиум «Н. П. Румянцев и славянская культура»⁵.

Благодаря существованию целого ряда работ, в совокупности очень подробно освещающих жизнь Румянцевского музея, можно сосредоточить внимание на отдельных аспектах его существования. Среди них можно особо отметить его роль как музея – «первопроходца» на сложном пути превращения частной коллекции в государственный музей. При изучении этой стороны истории музея представляется важным ответить на два вопроса: во-первых, почему он просуществовал так недолго, и, во-вторых, какую роль он сыграл в развитии отечественного музейного дела в стране, особенно в музеефикации частных собраний.

С этой целью рассмотрим прежде всего, в каких общественных условиях создавался Румянцевский музей.

К концу XVIII в., и особенно в начале XIX в. создание крупных частных коллекций становится достаточно распространенным явлением в богатых аристократических кругах, появляются коллекционеры и в других слоях общества⁶; в десятках особняков и усадеб формируются обширные собрания предметов искусства, оружия, старинных книг и рукописей. Коллекции были предметом личной гордости их владельцев, часто демонстрировались друзьям и гостям, их могли видеть десятки, а нередко и сотни людей. Но, оставаясь частной собственностью, собрания эти были доступны только избранным посетителям, выбор которых, как и условия посещения, целиком зависели от самих коллекционеров. Иными словами, они не были публичны и общедоступны. На протяжении всего XVIII в. были созданы только три публичных музея: Кунсткамера, в 1728 г. открытая для публики в новом здании, музей в Риге (1773 г.⁷) и Иркутске (1782 г.⁸).

⁵ Изумнова Н. П. Международный симпозиум «Н. П. Румянцев и славянская культура» // Информационный бюллетень Библиотеки Ассамблеи Евразии. М., 1999. Вып. 11. С. 106–107; Обращение участников Международного симпозиума «Н. П. Румянцев и славянская культура» (15 апр. 1999 г., Москва) к Генеральному директору ЮНЕСКО // Информационный бюллетень Библиотеки Ассамблеи Евразии. М., 1999. Вып. 11. С. 107–108.

⁶ Ф. П. Аделунг, Ф. Г. Баузе, П. П. Бекетов, Т. Ф. Большаков, А. И. Гассинг, З. П. Зосима, Ф. И. Круг, З. Ф. Леонтьевский, Я. Я. Рейхель, А. П. Сапожников, П. П. Свиныин.

⁷ Музей создан на основе частной коллекции, собранной рижским врачом Николаусом фон Химзелем. После смерти собирателя, согласно его завещанию, его мать передала коллекцию в дар городу. Датой основания музея считается день 22 февраля 1773 г., когда было принято постановление Рижского магистрата о создании музея имени фон Химзеля. Для темы данной статьи важны два обстоятельства. Во-первых, юридический аспект: коллекция стала собственностью не государства, но города, и учредителем музея было не государство (в лице императора или правительства), но городской магистрат. Во-вторых, хотя Рига и входила с 1711 г. в состав Российской империи, в XVIII в. еще значительно сказывались различия в формировании латвийской и русской культуры, по-видимому, проявлявшиеся, в

В первой четверти XIX в. число публичных музеев возрастает. Открываются для доступа публики, хотя и относящейся к «привилегированному кругу», некоторые коллекции императорской фамилии⁹ (с 1806 г. – Эрмитаж и Оружейная палата, фактический доступ публики в которую обеспечил ее переезд в специальное новое здание, совершившийся уже после 1812 г.).

Становятся доступными для осмотра специализированные собрания ведомств и обществ: модель-камера Адмиралтейства (ставшая основой Военно-морского музея), «Зал достопамятностей» петербургского Арсенала (Артиллерийский музей), модель-камера Вольного экономического общества (1803 г.), собрание произведений живописи и ваяния при Императорской Академии художеств, послужившее основой для музея при ней. В некоторых случаях публичные музеи возникают «с нуля»; так, создаются археологические музеи на черноморском побережье – Музей древностей в Феодосии (1811 г.), музеи в Одессе и Керчи; так появляются первые общественные музеи в Сибири (1820 г. – в Нерчинске, 1827 г. – в Барнауле¹⁰). Но, несмотря на то, что в первой четверти XIX в. растет число общедоступных музеев, передачи частного собрания государству для открытия музея еще не было; создание Румянцевского музея было первым шагом на этом неизведанном пути.

Кто был создателем коллекций для этого музея? Граф Николай Петрович Румянцев¹¹ к концу своей длительной и благополучной карьеры был

том числе, как в более бережном отношении к самим культурным ценностям, так и к воле завещателя.

⁸ Основан по инициативе иркутского губернатора Ф. Клички, призвавшего видных горожан пожертвовать средства на создание музея и книгохранилища (он и сам внес значительные суммы). Непосредственными организаторами музея были известные ученые того времени А. Карамышев и Э. Лаксман. Можно отметить, что в начале существования музея одной из важнейших его составных частей была переданная Э. Лаксманом часть его минералогической коллекции, собранной им во время путешествий по России (вторая часть его коллекции легла в основу фондов музея Петербургского Горного института).

⁹ *Белавская К. П.* Дворцовые музеи и хранилища XVIII – первой половины XIX в. // *Очерки истории музейного дела в России.* М., 1961. Вып. III. С. 301-363.

¹⁰ *Равикович Д. А.* Из истории организации сибирских музеев в XIX в. // *История музейного дела в СССР: Сборник статей.* М., 1957. С. 160-163.

¹¹ Николай Петрович (1754 – 1826) был вторым из трех сыновей видного военного и государственного деятеля Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725 – 1796), бывшего с 1765 г. и вплоть до своей смерти губернатором Малороссии, обладавшим не только обширными властными полномочиями, но и сосредоточившим в своих руках большие земельные богатства, частью купленные, частью пожалованные. Можно с большой вероятностью предположить, что часть этих богатств, доставшаяся после смерти отца Николаю Петровичу в дополнение к его жалованью высокопоставленного государственного чиновника, в значительной степени обеспечила финансовые ресурсы для создания коллекций. Кроме Николая, у него было еще два сына: родившийся в 1751 г. Михаил – генерал-майор, предводитель дворянства Петербургской губернии (1798 – 1801), сенатор, умер на Кавказе в 1811 г., и родившийся в 1755 г. Сергей – дипломат, член Государственного Совета, почетный член Академии Наук. Ни у одного из братьев не было законных детей, и в

председателем Государственного совета, затем государственным канцлером; в течение четырех царствований пользовался благосклонным вниманием императоров. Граф был убежденным франкофилом; вступление Наполеона в Россию явилось для него неожиданным и тяжелым ударом, подорвавшим его здоровье и вынудившим его в 1813 г. оставить крупные государственные посты. Можно предположить, что не только резкое ослабление здоровья¹², но и разочарование в политике страны, ранее столь любимой, способствовало тому, что, отойдя от государственных дел, он полностью сосредоточился на своем давнем увлечении – на изучении отечественной истории¹³, издании памятников древнерусской письменности, на собирательстве рукописей и предметов, связанных с русской историей.

Что представляло собой его собрание? Главной частью была библиотека. Первые книги для нее он покупал еще в 1790-х гг., «...в бытность свою посланником во Франкфурте, когда жить приходилось исключительно жалованьем и получаемыми от отца шестью тысячами в год»¹⁴. В 1813 г. он приобретает обширную и хорошо подобранную библиотеку историка Х. Лерберга, скончавшегося незадолго перед этим. В последующие годы, благодаря содействию целого ряда компетентных и предприимчивых людей, в основном ученых-историографов, входивших, как и он, в Общество древней российской истории, румянцевская библиотека стремительно разрасталась: «Малиновский, Калайдович, Строев заботились для него по библиотечной части в Москве и в средней полосе России, Григорович – на Запад-

1838 г., со смертью Сергея, пресеклась линия дворянского рода Румянцевых. Возможно, что отсутствие прямых наследников также сыграло важную роль в возникновении идеи превращения собранных коллекций в публичный музей.

¹² Так, К. И. Кестнер, отмечая, что граф «искренно любил просвещение и принимал в ученых вопросах участие знатока», замечает при этом: «Отношение графа Румянцева к ученым его времени открывается преимущественно из его переписки. Она особенно важна за последние годы его жизни, когда глухота мешала ему предаваться живому разговору и когда он в серьезной переписке искал развлечения». См.: *Кестнер К. И.* Материалы для исторического описания Румянцевского Музеума. Издано к пятидесятилетию юбилею Румянцевского Музеума Директором Московского Публичного и Румянцевского Музеев, В. А. Дашковым. М., 1882. С. 2

¹³ «... образованный русский вельможа, воспитанный в духе просветительных космополитических идей XVIII в., граф Н. П. Румянцев на склоне жизни стал горячим поклонником национальной русской старины и неутомимым собирателем ее памятников, за что в 1817 г. был избран в почетные члены Общества истории и древностей российских. Не он один попадал в такой своеобразный и запутанный узел условий: русское просвещение шло тогда вообще перекрестными путями. Из водоворота острых международных отношений наполеоновской эпохи он укрылся в обитель археологии и палеографии». См.: *Ключевский В. О.* Юбилей Общества истории и древностей российских // Он же. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 195-196.

¹⁴ *Варб Е.* Одно из наших центральных просветительных учреждений. (Очерки Румянцевского музея). М., 1898. С. 14.

ной окраине, Круг, Вихман, Аделунг, Кеппен – в Петербурге и за границей, митрополит Евгений служил советом и указанием везде»¹⁵.

Что касается сохранности собранных книжных сокровищ, то они «были бы еще значительнее, если бы библиотека его не подверглась общей участи всех частных библиотек – расхищению и зачитыванию книг. «По части моей библиотеки я испытал, – писал Румянцев митрополиту Евгению в 1824 г., – что всякого рода хищников довольно!» Кроме того, благодущный хозяин часто выдавал книги сам без всяких расписок или отметок, и книги не всегда возвращались»¹⁶.

В изданиях по истории Румянцевского музея библиотека Румянцева оценивается всегда очень положительно, о ней говорится как о «бесценной, единственной в своем роде, открытой для всех сокровищнице»¹⁷, отмечается, что она была обширной и собранной «по строго определенному плану, преследовавшему всесторонние научные цели. Если в библиотеке графа и встречались бесполезные редкости, то объясняется этот тем, что им приобретались довольно крупные собрания, в состав которых входили и ненужности всякие»¹⁸; подробное описание состава библиотеки дано в работе Кестнера¹⁹. Встречаются и восторженные оценки: «К 1820-му году библиотека Румянцева приняла уже громадные размеры: она заключала в себе такие сокровища, каких до тех пор не видала ни одна из русских библиотек, не исключая и бедной еще в то время Императорской Публичной в Петербурге»²⁰. Это мнение, мягко говоря, спорно. В основе Императорской Публичной в Санкт-Петербурге была «трофейная» библиотека польских магнатов братьев Залусских, насчитывавшая более 250 тысяч томов²¹; в первой четверти XIX в. в нее вошли обширные частные собрания книг и рукописей П. П. Дубровского, П. Сухтелена и целого ряда других ученых и государственных деятелей, осуществлялись закупки книг и рукописей, поступали обязательные экземпляры вновь издававшихся книг, велись работы по каталогизации.

Остальные части его собрания – коллекция минералов, нумизматическая коллекция, небольшие коллекции этнографических материалов и предметов из курганов, раскопанных в его могилевском имении, небольшой любительский гербарий.

¹⁵ Корш Е. Ф. Румянцев – собиратель книжных пособий // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып. 1. С. 73.

¹⁶ Варб Е. Указ. соч. С. 15.

¹⁷ Российская Государственная Библиотека. М., 2006. С. 14.

¹⁸ Варб Е. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Кестнер К. И. Указ. соч. С. 26-44.

²⁰ Корш Е. Ф. Указ. соч. С. 76.

²¹ Российская Национальная Библиотека. История библиотеки в биографиях ее директоров. 1795 – 2005. СПб., 2006. С. 6-7.

Цифры, характеризующие библиотеку и коллекции Румянцева, несколько различны в разных работах, поэтому приводим опись²², составленную по результатам осуществлявшейся в течение трех лет каталогизации собрания для представления императору и послужившую основой для всей учетной документации нового музея (в современных работах на нее есть ссылки, приводятся цитаты; однако эту объективную, краткую и в то же время исчерпывающую характеристику собрания целесообразно привести полностью). Согласно этой описи, Румянцевский музей «заключает в себе:

А. Библиотеку печатных и рукописных книг и ландкарт, состоящую из 16384 творений и помещенную в 81 шкафу и четырех больших столах. Книжки сии описаны в прилагаемых при сем пяти каталогах, кои суть:

I. Каталог иностранным книгам в 4-х томах, в коем записано 13945 званий.

II. Каталог ландкартам, – 636 званий.

III. Каталог иностранным рукописям, – 259 званий.

IV. Каталог русским книгам гражданской печати и

V. Каталог книгам церковной печати, – 1132 звания.

(Русским и славенским рукописям, коих находится 412 номеров, каталог еще составляется ...).

В. Кабинет медалей и монет, в коем находится:

Греческих и Римских медалей, описанных г. академиком Келером, 783 (Каталог VI).

Восточных монет, описанных г. академиком Френом, 945 (Каталог VII).

Русских старинных серебряных монет 45 и два слитка серебряные, присланные от г. Министра Народного Просвещения для хранения в Музеуме.

С. Минеральный кабинет, расположенный в 29 шкафах, на 7 столах и на 8 тумбах, коему каталог составлен Берг-Гауптманом 6-го класса, Дм. Ив. Соколовым.

²² Эта опись, составленная А. Х. Востоковым, служила «исходною точкою для бывших потом ревизий наличности Румянцовского Музеума, есть первый документ, изображающий Музеум в том самом составе, в каком он был передан в ведение Министерства Народного Просвещения». *Викторов А. Е.* Передача Румянцовского музеума в Министерство народного просвещения по официальным документам // *Сборник материалов для истории Румянцевского музея.* М., 1882. Вып. 1. С. 163. А. Х. Востоков, служивший под началом покойного канцлера, который «всегда отличал и употреблял сего чиновника, и ему же поручено сочинение подробной систематической описи хранящихся в Музеуме рукописей», стал первым руководителем музея. Стоит отметить, что в окончательной редакции устава нового музея, утвержденного 28 мая 1831 г., должность руководителя музея называлась «Старший библиотекарь»; назначение на нее было предоставлено Министру народного просвещения, и занимавший ее чиновник по правам государственной службы и по пенсии приравнялся к начальникам отделений в министерских департаментах, хотя по первоначальному варианту устава, составленному самим Востоковым, должность называлась «директор», а назначение на нее определялось высочайшим повелением. См.: Там же. С. 125, 165-166.

Д. Собрание редкостей по части естественной истории, также одежд и оружий островитян Тихого моря, привезенных с путешествия вокруг света капитаном Коцебу, – всего 39 званий.

Е. Восемь ящиков с древностями, состоящими из металлических, глиняных, костяных и деревянных утварей, открытых в земле и в разных местах найденных, – 132 звания.

Примечание: Статьи Д и Е поступили в Румянцовский Музеум после покойного канцлера, графа Николая Петровича, без описей.

Ф. Произведения живописи и скульптуры, а именно:

Четыре портрета во весь рост, фамилии Румянцовых, изображающих:

1) Александра Ивановича Румянцова, отца фельдмаршала и деда Канцлера; 2) Канцлера графа Николая Петровича Румянцова, 3) матери его, 4) тетки его, Анны Никитишны Нарышкиной.

Одна большая картина аллегорическая, представляющая триумф Екатерины II после первой Турецкой войны.

Мраморная статуя фельдмаршала графа Румянцова-Задунайского колоссальная.

Мраморная статуя Мира, произведение Кановы.

Бронзовая статуя Актеона, произведения Мартоса.

Мраморный бюст фельдмаршала графа Румянцова-Задунайского.

Гипсовый слепок с того же бюста.

Бронзовый бюст канцлера графа Николая Петровича Румянцова.

Два бронзовых бюста российских мореплавателей, Крузенштерна и Лисянского.

Кружка вызолоченная, обложенная слоновью костью с резьбою.

Рукомойник с поддоном и чашечкою, серебряные, вызолоченные с разными камнями и жемчугом, антической работы»²³.

Для более точного представления о собрании приведем некоторые дополнительные цифры и характеристики из описания его коллекций, выполненного уже в 1913 г., по-видимому, при подготовке выставки. Согласно этому описанию, в собрание графа входили книги – до 28000 томов, 517 славянских рукописей, «а за исключением 190 копий – 327»; в состав рукописей входили «кабинетные портфели и вообще бумаги графа Н. П. Румянцева, составлявшие его домашний архив и относящиеся главным образом к истории фамилии графов Румянцовых и к истории и ученой деятельности графа Николая Петровича»; 293 рукописи на иностранных языках; старопечатные книги в количестве 200 экземпляров; собрание древностей состояло «из коллекции медных и резных деревянных крестов и образков, нескольких братин и небольшой коллекции предметов, найденных в курганах в Гомеле или высланных графу из Керчи»; минералогическое собрание включало более 7000 минералов, в т.ч. множество выдающихся «величиною экземпляров, в особенности принимающих красивую полировку, числом и великолепием штуфов», но наряду с этим отмечали «известную

²³ Виктор А. Е. Указ. соч. С. 13-164.

случайность подбора минералов, обилие дублетных экземпляров и недостаток многих основных»²⁴.

Обобщая приведенные перечни и описания, следует дать общую оценку румянцевского собрания, но она неоднозначна и зависит от того, оцениваем ли мы это собрание как частную коллекцию или как базу для формирования государственного музея. В качестве частного это собрание великолепно. В качестве базы для формирования музея, открытого для широкой публики, собрание явно недостаточно как по тематике коллекций, так и по их качественному составу.

Что давало возможность думать о превращении этого собрания в музей? Мысль о создании музея на основе этих коллекций высказывалась задолго до кончины их владельца. Но при жизни Н. П. Румянцева адекватную оценку возможности создания музея на основе его собрания трудно было дать в силу ряда обстоятельств: во-первых, не было каталогов, и оценивать собрание можно было лишь «на глаз»; во-вторых, не предполагалась неожиданная кончина владельца, и можно было рассчитывать на дальнейшее активное пополнение коллекций; в-третьих, собрание было открыто для достаточно широкого круга ученых, приносило реальную пользу в их исследованиях, и казалось, что этот полезный эффект значительно увеличится, если обеспечить доступ к материалам коллекций для возможно большего числа посетителей; и, наконец, в-четвертых, объективности оценок и трезвому, прагматичному подходу не способствовала общая атмосфера уважения к владельцу, признательности за возможность пользоваться материалами, общность научных интересов, а в некоторых случаях и сугубо практические интересы. Следует учитывать и то, что путь от общей идеи о некоем общественно полезном проекте до конкретного плана его осуществления бывает очень длинным и полным превратностей.

Идея о превращении румянцевского собрания в музей высказывалась неоднократно. В современном кратком очерке могут быть уместными общие фразы о том, что «Канцлер мечтал создать на основе своего собрания национальный музей. Он мыслился им как музей исторической славы России, ее лучших культурных традиций»²⁵. При серьезном анализе истории музея нам не хватает информации о намерениях самого канцлера.

Е. Ф. Корш полагал, что мысль о создании громадного, всеобъемлющего национального музея первоначально была высказана в 1821 г. историком В. Г. Вихманом²⁶, который с 1814 г. работал у Румянцева библиотекарем. Е. Варб считал, что эта идея была «общим достоянием всего кружка, группировавшегося около Румянцева»²⁷ и ссылаясь на то, что похожий проект обнаружил в «Сыне Отечества» Ф. П. Аделунг, но планы самого Румянцева описывал с осторожностью.

²⁴ Собрания графа Николая Петровича Румянцева. М., 1913. С. 9, 10, 33, 46. В этой работе даны и подробные перечни некоторых наиболее интересных разделов собрания.

²⁵ Российская Государственная Библиотека. С. 14.

²⁶ Корш Е. Ф. Указ. соч. С. 75.

²⁷ Варб Е. Указ. соч. С. 15.

Близко знавший графа митрополит Евгений свидетельствовал, что «знаменитый покровитель наук имел намерение открыть на общую пользу составленный им Музеум не от имени Правительства и не в виде учреждения казенного, а как учреждение частное, причем, без сомнения, предполагал надлежащим образом обеспечить его будущность, как в отношении к содержанию, так и в отношении к дальнейшему развитию»²⁸.

При всем обилии идей и планов четкой концепции нового музея у Румянцева не было, его воля не была изложена в виде письменного завещания, и даже в устной форме не была выражена достаточно четко. Мы можем говорить только о намерениях и предварительных планах Румянцева создать музей.

Он умер 3 января 1826 г., так и не начав каких-либо реальных действий по созданию музея. Младший брат, Сергей Петрович, остался наследником всего состояния и «единственным официальным истолкователем воли и намерений» канцлера.

Так сложилась ситуация, когда собирал коллекции и размышлял о создании музея один человек, но музей на основе этих коллекций создавал уже другой человек, ставший по праву наследования их полноправным собственником. Он с почтением относился к воле усопшего брата, но у него были другие взгляды и характер, другой авторитет и возможности.

Надо отдать должное младшему брату, роль которого в создании музея была менее заметной, но, возможно, не менее значительной, чем роль старшего брата – создателя коллекций. Особого уважения заслуживают его нравственные качества: и коллекции, и два петербургских особняка представляли значительную материальную ценность, тем более на фоне его серьезных финансовых затруднений; и можно предположить, что немалых усилий стоило не поддаваться соблазну легкого и выгодного решения – продать и то, и другое или передать уже собственным наследникам²⁹. Достойны уважения его терпение и настойчивость, благодаря которым он, несмотря на почтенный возраст, сумел выдержать почти трехлетние хлопоты по оформлению музея, стоившие ему немалых усилий.

Прежде чем начать хлопоты по передаче собрания, он почти два года приводил его в порядок: организовал проверку коллекций и составление каталогов. 3 ноября 1827 года Сергей Петрович впервые обратился к императору с прошением о том, чтобы собрание было принято в государственную собственность, предполагая его передачу на пользу военно-учебных заведений. По высочайшему повелению главный начальник Штаба, граф Дибич, предписал вести это дело директору Пажеского и Кадетских корпусов, генерал-адъютанту Н. И. Демидову, который «с ужасом отнесся к предлагаемому Румянцевым дару и принял все меры к тому, чтобы избавиться от тяжелой

²⁸ Виктор А. Е. Указ. соч. С. 117 (цитата из письма митрополита Евгения А. Х. Востокову, от 14 сентября 1828 г.).

²⁹ У Сергея Петровича не было законных детей, но были три «воспитанницы» – дочери Н. Н. Нелединской-Мелецкой, с которой он много лет поддерживал близкие отношения.

обузы»³⁰. После совещания с самим Румянцевым-младшим Н. И. Демидов сумел обосновать целесообразность передачи собрания в министерство народного просвещения, как более соответствующей воле завещателя.

3 января 1828 г. император подписал на имя С. П. Румянцева рескрипт, в котором благодарил за ценный дар, утверждал наименование «Румянцевский Музеум» и поручал министру народного просвещения адмиралу Шишкову и генерал-адъютанту Н. И. Демидову вместе с самим Румянцевым и по его воле «сделать нужные распоряжения, как для приема Музеума в казенное ведомство, так и для совершения надлежащих при том актов и постановления правил, по коим отныне сие заведение должно быть управляемо»³¹.

Спустя два месяца, 5 марта, состоялось, наконец, первое совещание о дальнейших действиях. Участвовавший в нем товарищ³² министра просвещения, граф Д. Н. Блудов, в подробном донесении самому министру сообщает: Сергей Петрович Румянцев согласен уже передать оба дома³³ министерству без продажного акта, дома будут переданы 1 мая; Сергей Петрович не принимает на себя ни перемещение библиотеки со второго этажа на первый, ни приведение в порядок коллекций минералов и нумизматического собрания, и выражает желание, чтобы музей был общественным и был открыт для публики хотя бы один раз в неделю, а составление устава и штатов музея предоставляет министерству, и просит только «употребить при оном, с приличным жалованьем и помещением, надворного советника Востокова, известного необыкновенными своими познаниями в словесности вообще и по части библиографии в особенности»³⁴.

22 марта 1828 г. императором были подписаны указ Правительствующему Сенату и манифест на имя министра просвещения адмирала Шишкова о принятии в ведомство министерства народного просвещения Румянцевского музея и обоих домов.

В течение трех месяцев, с апреля по июнь, шла переписка С. П. Румянцева с чиновниками, которых он в связи с предстоявшим ему отъездом просил скорее принять имущество. В июне им были отосланы в министерство все каталоги, и уже из Москвы он благодарил министра за принятие музея³⁵, но сам процесс передачи коллекций и зданий растянулся

³⁰ Варб Е. Указ. соч. С. 17.

³¹ Викторов А. Е. Указ. соч. С. 121.

³² Т.е. заместитель министра.

³³ Николай Петрович Румянцев хотел оставить музею оба своих дома, расположенных рядом и выходящих на разные стороны квартала: и тот, что располагался по Английской набережной (в нем помещались коллекции), и тот, что выходил на Галерную улицу (доходы от этого дома должны были идти на содержание и расширение музея, и первоначально предполагалось, что рассчитанные 8000 рублей будут достаточны, по крайней мере, на текущие расходы музея; однако, позднее оказалось, что доходов дом почти не давал, а расходы на содержание музея были значительно больше предполагавшихся).

³⁴ Викторов А. Е. Указ. соч. С. 123-126

³⁵ Там же. С. 130-133.

еще на три года, в течение которых С. П. Румянцев, несмотря на сильно стесненное материальное положение, оплатил из своих средств значительную часть сметы на ремонт здания музея.

При передаче собрания, помимо каталогов коллекций, была передана и опись обоих домов со всем находящимся в них имуществом, – тетрадь в 40 листов. Интересно, что в ней при описании фасада большого дома отмечена и надпись на его карнизе «От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение»; А. Е. Викторов предполагает, что надпись эта была сделана по распоряжению самого С. П. Румянцева перед сдачей музея в казну, и что это было сделано по мысли покойного Н. П. Румянцева. В любом случае, непосредственно на фронте надпись была нанесена еще до того, как здание окончательно перешло в ведение министерства просвещения. Таким образом, надпись эта свидетельствовала не о признательности со стороны государства, но, скорее, о предусмотрительности С. П. Румянцева³⁶.

После нескольких месяцев, которые заняла процедура приема-передачи музея в ведение министерства, 23 ноября 1831 г. он был открыт для посетителей. Лучшие залы парадной анфилады второго этажа были заняты парадными портретами Румянцевых, статуей Мира, коллекцией минералов. Еще часть помещений занимала библиотека. В остальных помещениях, не занятых собранием, размещались Общество поощрения художников, студия А. Н. Оленина (бывшего в те годы президентом Академии художеств), квартира старшего библиотекаря А. Х. Востокова.

Не был налажен учет, книги часто выдавались на дом, к тому же без должной записи. В 1844 г. была проведена первая проверка фондов, выявлено отсутствие ряда книг и предметов, подал в отставку Востоков³⁷, а с сентября 1845 г. музей был присоединен к Императорской Публичной библиотеке. В 1846 г. был принят первый устав музея, и новым заведующим музеем стал помощник директора Публичной библиотеки князь В. Ф. Одоевский. Вдвое было сокращено финансирование.

Здание музея быстро приходило в упадок, все меньший интерес вызывали коллекции, покрывавшиеся слоем пыли. Не будем цитировать многократно приводившееся описание упадка музея, данное В. В. Стасовым³⁸. Отметим лишь, что такая заброшенность музея «подрывала и нравственное значение его, особенно ввиду цветущего состояния и огромных размеров, которых достигла Императорская Публичная библиотека, благодаря неутомимой и горячей заботливости барона Корфа»³⁹.

В конце 1850-х гг. рассматриваются различные варианты дальнейшей судьбы музея: передача всех коллекций в Императорскую Публичную библиотеку, в Эрмитаж, Императорскому Русскому географическому или ар-

³⁶ Там же. С. 133.

³⁷ *Бекасова А. В.* «Храм общественных муз». Петербургский период в истории Румянцева музея. С. 83-99.

³⁸ См., напр.: *Варб Е.* Указ. соч. С. 22-23; *Бекасова А. В.* «Храм общественных муз». Петербургский период в истории Румянцева музея. С. 90-91.

³⁹ *Варб Е.* Указ. соч. С. 21-22.

хеологическому обществу, а также продажа здания, покупка на вырученные деньги дома в Москве и основание Московской публичной библиотеки.

Обращаясь еще раз к причинам упадка музея, отметим, что его наиболее важной, системной причиной был специфический характер качественного состава фондов музея: разнородность коллекций, не позволявшая сосредоточиться на одном каком-либо направлении комплектования и научной работы с фондами. С позиций современного подхода к определению научной ценности составных частей собрания очевидно, что наиболее ценной была коллекция рукописей, которая и сегодня украсила бы любую крупную библиотеку; однако в то время не меньшее, а может быть, и большее значение придавалось достаточно обширной библиотеке, которая, однако, в значительной части своей быстро устаревала; так же быстро устаревала коллекция минералов, которая с самого начала была весьма обширна для частного собрания, но не являлась полноценным систематическим научным собранием, и, к тому же, не пополнялась и не изучалась после открытия музея; коллекция археологических находок и этнографических предметов, также являвшаяся значительной для частного собрания, в качестве музейного фонда была весьма скромной и могла бы лишь служить базой для дальнейшего создания серьезного музейного собрания.

Вторым важным обстоятельством, затруднявшим развитие музея, было угасание интереса к нему со стороны петербургской публики: предметом постоянного интереса исследователей была лишь коллекция рукописей; книжное собрание и обветшавший читальный зал музея не могли конкурировать со стремительно разраставшимися фондами, комфортными залами Публичной библиотеки; коллекция минералов вызывала интерес у отдельных специалистов, которые, как правило, могли уже пользоваться минералогическими коллекциями Университета и Горного института.

Довершили процесс деградации музея нехватка финансирования и отсутствие энтузиастов среди тех, кто мог повлиять на его судьбу.

Все перипетии перевода музея в Москву описаны многократно и подробно⁴⁰. Отметим лишь основные даты и факты нового периода в существовании коллекций Румянцевского музея.

9 мая 1861 г. комитет министров принял решение о переводе музея в Москву и размещении в Пашковом доме; спустя всего лишь два месяца коллекции уже были перевезены в Москву; еще через год, 19 июня 1862 г., было утверждено Положение о новом учреждении, Московском публичном музее и Румянцевском музее, а также штат этого учреждения. Положение начиналось словами: «Завещанный государственным канцлером графом Румянцевым *на благое просвещение* музеем, по перенесении из С.-Петербурга в Москву и по расположении в одном здании с учреждаемым вновь Московским публичным музеем, сохраняет, по мысли завещателя, всю свою це-

⁴⁰ См., напр., указанные ранее работы Е. Варба, К. И. Кестнера, а также: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862 – 1912. Исторический очерк. М., 1913.

лость, отдельность, цель и наименование»⁴¹. Остальные двадцать два пункта Положения свидетельствовали о том, что Румянцевский музей полностью потерял остатки самостоятельности. Фонды музея еще долгое время хранились в нескольких отдельных комнатах и создавали славу будущей Публичной библиотеке, но сам музей как самостоятельное учреждение фактически перестал существовать: у нового учреждения, объединившего оба «музеума», был один директор (попечитель Московского учебного округа), одна бухгалтерия, единый штат сотрудников, одно здание. При этом Румянцевский музей остался преимущественно мемориальной частью, работавшей на репутацию учреждения, а развивался только новый музей.

Новое учреждение развивалось стремительно, причем наиболее быстро развивались его библиотечные фонды. Этому способствовали не только многочисленные поступления целых собраний книг и рукописей по дарственным и по завещаниям, но и пункт Положения 1862 г., согласно которому в Московский публичный музей доставлялся обязательный бесплатный экземпляр каждого русского издания. Собственно музейные коллекции пополнялись скромнее, но эти коллекции относились уже к Московскому публичному музею, а не к Румянцевскому.

В конце XIX в. собранные Н. П. Румянцевым минералогические коллекции были переведены в музей Московского университета. В начале 1920-х гг. рукописные и библиотечные фонды Румянцевского музея были окончательно включены в фонды Российской Государственной библиотеки, а остатки этнографической, археологической и нумизматической коллекций были переданы в другие музеи.

Общепринятая оценка истории Румянцевского музея наиболее четко сформулирована А. В. Бекасовой, отмечающей, что собрание графа Румянцева за почти столетний срок своего существования прошло путь от сравнительно большого для своего времени частного собрания просвещенного вельможи и видного государственного сановника через небольшое музейное собрание, открытое для публики, которому была придана форма мемориального музея одной семьи, к первостепенному публичному музею, ставшему символом не только города Москвы, но и Российской империи. Все в какой-то мере возвращается на круги своя: музей создавался как «памятник имени Румянцевых» и он закончил свое существование мемориальным Румянцевским кабинетом, организация которого предусматривалась решением ВЦИК о присвоении библиотеке бывшего Московского публичного и Румянцевского музея имени В. И. Ленина в январе 1925 г.»⁴². Но можно предложить и другую трактовку «биографии» Румянцевского музея.

После того как на протяжении пяти лет тянулся процесс оформления частного собрания в государственную собственность, новый музей в течение первых пятнадцати лет своего существования (с 1831 по 1845 гг.) был само-

⁴¹ Положение о Московском публичном и Румянцевском музеуме» [Утв. 19 июня 1862 г.]. М., 1862. С. 2.

⁴² Бекасова А. В. «Храм общественных муз». Петербургский период в истории Румянцевского музея. С. 95.

стоятельным и по-настоящему общедоступным музеем. Затем, на протяжении еще 16 лет (1845 – 1861 гг.) являлся, выражаясь современным языком, филиалом Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (филиал располагался в своем прежнем, отдельном здании, сохранял почти тот же штат, отдельную смету, экспозицию, круг посетителей). В 1861 – 1862 гг. Румянцевский музей, несмотря на постоянно провозглашавшуюся автономность, был включен в состав нового учреждения – Московского Публичного и Румянцевского Музеумов, полностью и необратимо потеряв административную и финансовую самостоятельность; лишь коллекции как совокупность материальных предметов еще на протяжении ряда лет хранились вместе. К 1925 г. остатки фондов музея растворились в фондах других учреждений. Таким образом, можно рассматривать историю Румянцевского музея как один из первых шагов, не очень удачных, но, безусловно, полезных, на пути к русскому «музейному веку» 1850 – 1900-х гг.⁴³

В заключение еще раз сформулируем основные организационно-административные этапы истории музея и некоторые выводы. Собрание Н. П. Румянцева представляло собой коллекции обширные, но собранные без четкого плана, разнородные по уровню научной значимости экспонатов, без каталогов или описей. Четкой концепции будущего музея не было, так же, как не было и разработанного плана практических действий; существовала лишь общая идея создания частного публичного музея, а также понимание необходимости выделения средств на его содержание и, что важно, на пополнение коллекций.

Созданием музея фактически занимался не сам коллекционер, а человек, достаточно далекий и от коллекционирования, и от музейного дела, к тому же в преклонном возрасте и с гораздо меньшим общественным весом, нежели собиратель коллекций. Его практической задачей было успеть «пристроить» собрание в «надежные руки», и при этом сохранить его доступность исследователям и достаточно широкому кругу публики. Несмотря на все бюрократические трудности, он сумел довести дело передачи музея государству до конца, обеспечил финансирование музея (хотя, как оказалось в дальнейшем, недостаточное), сверку и каталогизацию коллекций, ремонт, хотя и частичный, здания, ходатайствовал об оставлении в качестве руководителя музея грамотного специалиста.

С учетом всех этих обстоятельств можно считать судьбу румянцевского собрания, превращенного, несмотря ни на что, в общедоступный государственный музей, очень удачной и благополучной, в отличие от участи, постигавшей многие другие крупные частные собрания, разделявшиеся между наследниками или распродаваемые по частям.

На протяжении тридцати лет своего существования в Петербурге музей постепенно приходил в упадок. Основные причины этого:

1) Специфика состава фондов музея: устаревание библиотеки, недостаточно системный характер коллекции минералов, скудость археологической

⁴³ Подробнее об этом периоде см.: Дианина Е. Музейный век в России // Музеология – Музееведение в XXI веке: Проблемы изучения и преподавания. СПб., 2009. С. 20-48.

коллекции, – все это не способствовало сохранению авторитета музея и интереса к нему со стороны широкой публики;

2) Явная недостаточность финансирования, что исключало возможность дальнейшего комплектования фондов, их надлежащего учета, научной каталогизации и поддержания помещений в должном состоянии;

3) Отсутствие ярких личностей, увлеченных энтузиастов в числе его руководителей;

4) Местонахождение музея в крупнейшем научном и культурном центре государства, что порождало конкуренцию с другими, более значительными собраниями.

В середине петербургского периода, в 1845 г., музей перестал быть самостоятельным учреждением, и вошел в состав Императорской Публичной библиотеки на правах филиала, однако это не остановило упадок музея.

Единственным спасением музея от гибели было его слияние с другим, более благополучным музеем. Это и произошло: музей был переведен в другой город и стал основой совершенно другого культурного учреждения, в котором очень быстро на первый план вышло формирование библиотеки. При этом музей как учреждение перестал существовать; остались название и коллекции, ставшие неотъемлемой частью другого, более крупного музея. Фактически музей в первые же годы после переезда на новое место стал отделом, притом непрофильным и далеко не самым важным, в государственной общедоступной библиотеке.

По-прошествии семидесяти лет, при реформировании библиотеки, остатки фондов музея окончательно «растворились» в фондах других учреждений культуры.

Можно предположить, что нищенское существование музея в Петербурге и очень быстрое «растворение» его в московской библиотеке служило ненавязчивым, но наглядным уроком для тех богатых коллекционеров, которые могли бы задуматься о передаче своих собраний государству. Можно также предположить, что судьба этого музея представляла собой очень ценный опыт, который наверняка учитывали уже более успешные создатели крупных частных музеев в конце XIX – начале XX вв.